

Научная статья

УДК 94(438).04

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Антиведовской дискурс в польской печати XVI века

Иван Михайлович Басов

Санкт-Петербургский институт истории

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

vbim17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0908-045X>

Аннотация

Статья посвящена исследованию истории развития в книжной печати темы присутствия ведьм на территории Польского королевства и Великого княжества Литовского. Автор анализирует несколько способов апеллирования к теме ведовства в печати. Делается вывод, что тезис о «засилье ведьм» был сформирован в польской печатной полемической литературе XVI в. как составляющая представлений о «современном моральном упадке» и как риторическая модель для обозначения конфессиональных противников. В то же время печать XVII в. использовала этот тезис уже в отношении непосредственно подозреваемых в ведовстве, переформатировав представление о распространенности магических практик для новых целей.

Ключевые слова

полемическая литература, ведьмы, антиведовские памфлеты, печатная культура, старопечатные издания, Раннее Новое время, Польское королевство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая

Для цитирования

Басов И. М. Антиведовской дискурс в польской печати XVI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 29–39. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Anti-Witchcraft Discourse in the Polish Sixteenth-Century Printed Books

Ivan M. Basov

St. Petersburg Institute of History

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

vbim17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0908-045X>

Abstract

The author examines the historical development of the theme of witches' presence within the Polish Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania in book printing. He analyzes various approaches to the theme of witchcraft in Polish literature, highlighting how the writer's perspective influenced their depictions. The author concludes that the "witches' prevalence" thesis emerged in the 16th-century Polish polemical literature as part of a broader narrative of "modern moral decline", functioning as a rhetorical model for designating confessional opponents. Thus, discussions of witchcraft primarily unfolded within the context of Catholic-Protestant disputes, serving as a vivid allusion among other tools of rhetorical persuasiveness. The features of witchcraft in the polemical tradition are inscribed in the collective image of the "Constitutive Other" as a heretic and a pagan and testify not to the intensification of the campaign against witches in printed materials but rather to the development of confessional disputes. In contrast, 17th-century printing utilized the concept of the "witches' prevalence" in relation to individuals literally suspected of witchcraft, coinciding

© Басов И. М., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 29–39

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 29–39

with an increase in witch trials. This transformation redefined the understanding of the prevalence of magical practices for new purposes.

Keywords

polemical literature, witches, witchcraft pamphlets, print culture, early printed books, Early Modern Age, Polish Kingdom, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth

For citation

Basov I. M. Anti-Witchcraft Discourse in the Polish Sixteenth-Century Printed Books. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 29–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-29-39

Вышедшая в свет в 1967 г. книга выдающегося медиевиста профессора Я. Тазбира «Держава без костров. Очерки истории толерантности в Польше XVI–XVII вв.» стала программной для историографии. С тех пор любая работа, посвященная проявлениям нетерпимости в польской культуре Раннего Нового времени, в обязательном порядке снабжается ссылкой на тезис об «экстраординарной толерантности», опирающийся, в свою очередь, на традицию, представленную М. Бобжиньским, А. Брюкнером, И. Хжановским и другими классиками до-революционной и межвоенной историографии [Tazbir, 2009, s. 10–11]. При этом до сего момента попытки уточнить картину, окончательно сформированную Я. Тазбиром, ее не разрушили, поскольку неоспоримы большие различия в масштабах и характере гонений в Западной и Центральной Европе, с одной стороны, и в Польше, с другой стороны. С первого официального судебного преследования ведьмы (1436 г.) до середины XVI в. известно лишь о 65 проведенных в королевстве процессах [Adamczyk, 2007, p. 129], в то время как в остальной Европе за тот же период счет идет на сотни [Leeson, Russ, 2017, p. 2081]. Устойчивой остается в том числе та часть тезиса Я. Тазбира, которая касается объяснения феномена через свойственную шляхетской культуре толерантность, а исключений – через импорт идей и практик, становившийся всё более отчетливым с конца XVI в. [Tazbir, 2009, p. 178]. В этом месте теория толерантности рифмуется с тезисом, связывающим развитие книгопечатания в Польше с импортом соответствующих технологий и текстов из немецких земель [Munimenta..., 1922, p. 133]. Возникает резонный вопрос: как на протяжении XVI в. польская печать работала с темой ведовства?

Как ни странно, до сих пор не возникло работы, посвященной этой проблеме в отдельности. Первейшая причина этого в немногочисленности источников. П. Тафиловский в статье, посвященной даже не вопросу ведьм в польской печати XVI в., а – шире – вопросу магии, верно замечает, что по объему «печатный материал такого рода необычайно скромнен» [Tafiłowski, 2003, s. 27]. По этой же причине З. Осиньский в статье, посвященной сходной теме, значительный акцент делает на упоминания магических практик в печати XVII в., а не XVI в. [Osiński, 2003]. Вышедшая в 2023 г. монография С. Ковальчик [Kowalczyk, 2023] является на сегодняшний день наиболее полным исследованием образов ведовства в польской литературе XVI–XVII вв. Однако в данной работе печатному характеру памятников письма практически не отводится внимания. В то же время этот параметр является ключевым для анализа проблемы влияния текстов на социальную динамику: хотя аудиторию печатной книги в XVI в. еще сложно назвать подлинно «массовой», она принципиально иным образом влияет на исторический процесс [Febvre, Martin, 1976, p. 248–318; Eisenstein, 2005, p. 3–101]. Не случайно, опираясь на этот тезис теории «печатной революции», исследователи обнаруживают связь между публикациями знаменитого демонологического трактата «*Malleus Maleficarum*» и ростом преследований ведьм [Zika, 2009, p. 11–35]. Таковая связь может быть обнаружена и в Речи Посполитой, где «Молот ведьм» был опубликован в переводе на польский язык в 1614 г. [Wyporska, 2013, p. 122–126].

Сочинения, посвященные оккультным наукам, были не самым частым, но вполне законным предметом в репертуаре польских типографий. Наиболее массовым печатным источником на протяжении XVI в. оставались календари, зачастую сопровождаемые алхимическими советами, рецептами и астрологическими прогнозами [Tafiłowski, 2003, s. 26]. Гадательные практики вплоть до XVII в. оставались легитимными для астрологов при подготовке прогно-

стиконов [Kroczak, 2006, s. 21–26]. Образчики этого жанра стабильно публиковались польскими печатниками, в том числе по договоренности с Краковским университетом, имевшим на службе астрологов [Juda, 1992, s. 114–121]. Ввиду того, что гадание по звездам существовало в области естественнонаучного знания, мы не наблюдаем до последней трети XVI в. польских печатных сочинений, посвященных критике таких практик. Антиведовская тема в целом отсутствует в польской печати до второй половины XVI в. И, напротив, те сочинения (не только трактаты, но и более доступные основной массе грамотного населения тексты), которые впоследствии могли быть опознаны как ведовские, свободно печатались типографами. В 1532 г. И. Ветор публикует гадательно-игровой трактат «Fortuna» С. Гонсерка (Станислава из Бохни). В 1534 г. публикуется трактат С. Фалимижа «O ziołach i o mocy ich», в котором кроме прочего рассказывается о приготовлении лекарственных снадобий, о сборе и обработке трав в соответствии со звездами, и о других вещах, которые при желании можно маркировать как чародейство. В том же жанре «гербария» (лат. *herbarium*) написаны сочинения И. Спичиньского, М. Сенника и Марцина из Ужендова. Тем не менее, авторам, с точки зрения тогдашних представлений занимавшимся естественнонаучными изысканиями, обвинения в ведовстве не предъявлялись. Сама по себе печать магических трактатов для первой половины XVI в. не являлась чем-то экстраординарным: к 1550 г. в Европе вышло 23 печатных издания одной только гадательной направленности [Kiliańczyk-Zięba, 2019, p. 122]. Но в прочих европейских землях печать таких сочинений сопровождалась активной контрпечатью, порицающей магию во всех ее проявлениях [Zika, 2009, p. 70–98], в то время как в Польском королевстве такой активности мы не наблюдаем.

Демонологические пассажи характерны для христианской полемической литературы. Так или иначе, обвинение в наущении Дьяволом можно обнаружить во всех антиреформатских латинских сочинениях, публиковавшихся в Польском королевстве в исследуемый период. Тем не менее, в польскоязычной печати образный ряд ведовства сначала наиболее явно проявляется не в католической, а в протестантской полемической литературе, что связано с разницей в риторических стратегиях католических и протестантских авторов. Примечательно, как в «Беседах дворянина с монахом» М. Кромера (1551–1554) реплики монаха, транслирующие мнение автора, сдержанностью и степенностью противопоставлены эмоциональной речи дворянина-лютеранина, сдобренной разговорными выражениями и полемическими штампами: католический клир именуется им «слугами Антихриста» и обвиняется в поклонении истуканам (Rozmowy..., 1915, p. 4–5). Монах в ответ ссылками на Писание доказывает дворянину, что лютеране являются язычниками и следуют за лжепророком (Rozmowy..., 1915, p. 9–10). В этом диалоге наглядно видна линия аргументации сторон, которая приобрела такой вид еще в 1520-е гг. в конфессиональной полемике в Священной Римской империи, и которая изобилует взаимными обвинениями в связях с Дьяволом.

Однако лишь к середине XVI в. польская католическая печать в массе своей признает широкое распространение протестантов в королевстве. Станислав из Львова в «Апологии» пишет: «nie trzeba wiele wyliczać, iako wiele ludzi zacnych nauki pokatne przywiodku ku błędom niezliczonym <...> przechodzą w krolestwo ssatanowe» («Нет нужды много говорить о том, как много добрых людей учения ведут к бесчисленным ошибкам <...> и приводят в царство Сатаны») (Apologia, 1554, f. A ii). В то же время возникает протестантская полемическая печать, использующая образный ряд ведовства. В 1560 г. М. Кровицкий, бывший еще к тому моменту кальвинистским проповедником, издал в Пиньчуже памфлет «Защита правдивого учения», в котором присутствует сравнение католической практики экзорцизма с магией: «ukaście thesz gdzie z oleiu Dijabły wyganiaли iako wy wyganiaćie y zaklinacie? Izali w tey mierze Czarnoksiążnikom podobni nie iestećie» («Покажите, где миром Дьявола изгоняли, как вы изгоняете и заклинаете? Разве в этой мере вы не становитесь подобны чернокнижникам?») (Obrona nauki, 1560, ff. 82 – 82v). С деятельностью язычников, ведьм и чернокнижников автор сравнивает католическую обрядовость: «Thamże iesztze drugie kreslanie tznycie swieca, po trzykroć nad oną wodą, iakoby iacy Pogani, Czarnoksiążnicy, albo iakie tzarownice» («Там же еще

второй раз осеняете свечой воду после троекратного знамения, как какие-нибудь язычники, чернокнижники или колдуньи какие») (*Obrona nauki*, 1560, f. 73). Также М. Кровицкий упрекает папу Григория VII в чернокнижии (*Obrona nauki*, 1560, f. 134, 136), очевидно воспроизводя нарратив, сформированный антикардиналом Боно в трактате XI в. «*Gesta Romanae ecclesiae contra Hildebrandum*». М. Бельский в «Хронике» называет чернокнижником (впрочем, без явной негативной коннотации) Сильвестра II (*Kronika*, 1564, f. 175v, 467), также воспроизводя нарратив XI–XII вв. о магических практиках папы римского.

Как и в Польше, в Великом княжестве Литовском антиведовская тема получает наиболее явное воплощение в первую очередь в протестантской полемике. Ш. Будный в 1563 г. называет католицизм и православие «народным идолопоклонством, при котором сегодня литвины верят в собственных богов и приносят им жертвы» [*Tazbir*, 1978, s. 164]. Также в Великом княжестве Литовском впервые на польском языке публикуется анонимное демонологическое сочинение «*Postępek prawa szartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu*» (Брест, 1570), посвященное планам Дьявола по захвату человеческих душ. Опубликованное К. Базыликом, это произведение являлось компилятивным трудом, составленным на основе целого ряда популярных текстов [*Bugaj*, 1986, s. 158; *Ostling*, 2008, p. 58]. Однако кроме этого сочинения на польском языке в XVI в. не появляется печатных демонологических трактатов, которые бы, наподобие «*Pseudomonarchia Daemonum*» И. Вейера (Базель, 1577), были посвящены раскрытию внутреннего устройства мира демонов. Также в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском в XVI в. не печатались краткие антиведовские брошюры, которые параллельно имели хождение в Германии, Франции и Англии [*Zika*, 2007, p. 179–209].

Политизация образов ведовства была продолжена Я. Кохановским. В 1587 г. публикуется его памфлет «*Wrózki*» («Гадания»), который за названием, отсылающим к магической практике, и за использованием подобной образности внутри текста скрывает рассуждение о современной польской политике и прогнозирование дальнейшего пути развития Речи Посполитой. Аллюзии на гадательные ритуалы используются автором для придания гражданско-политическим выводам произведения черт пророчества [*Kotarski*, 1980, s. 91–94]. Вероятно, сочинение Я. Кохановского вдохновило Я. Янушовского на написание одноименного памфлета, опубликованного в 1589 г. в его собственной типографии под псевдонимом Jan Rodworzecki. Как и предшественник, Я. Янушовский делает ряд политических выводов, однако присутствие «сверхъестественного» в его работе гораздо более заметно. Тема магии и внутриполитических проблем Польши крепко сплетаются в построениях автора. Так, о гадании он отзывается как о «сатанинской» практике, которая была свойственна язычникам до прихода христианства: «*A bywało to u Rzymian, u Greków, Atenienczyków, Macedończyków, u inszych, aż na ostatek u do krajów naszych były przyszły, gdzie trwały czas niemały, dotąd aż Pan Bóg zesłać raczył inszy sposób życia, inszą naukę, inszy wzór wiary, toż też dopiero ono szataństwo*» («Так было у римлян, греков, афинян, македонян и других, и даже, наконец, это пришло в наши края, где продолжалось довольно долгое время, пока Господь Бог не послал иной образ жизни, иное учение, иной образец веры, поскольку то, что было сперва – это сатанизм») (*Wrozki*, 1589, f. 6). Давая подробную классификацию гадательных практик, Я. Янушовский заключает, что даже считающиеся многими легитимными математические и астрономические прогнозы являются греховными (*Wrozki*, 1589, f. 10). Наконец, автор транслирует представление о массовом отпадении подданных Польского королевства от Церкви и утрате человеческих качеств путем парафраза сюжета с фонарем Диогена: «*Boże Boże co sye dzieie: gdzie ich szukać: gdzie ich pytać: Rzeczysz podobno: Azaś ich ślep: Bracie spytay iedno owego co śród białadnia między ludźmi chodząc, człowieka z świeczką szukał: wszak usłyszysz co powie: Wydła podobno więcey naudziesz niżeli ludzi*» («Боже, Боже, что делается, где их (праведных людей. – И. Б.) искать, где спрашивать? – говоришь ты подобным образом. Ты слеп к ним. Брат, спроси того, кто среди бела дня, меж людей ходя, искал человека; услышишь, что расскажет: “больше найдешь скоту подобных, чем людям”») (*Wrozki*, 1589, f. 24). Уверенность Я. Янушовского в массовом падении нравов, равно как и тезис Ш. Будно-

го об укорененности языческих практик, соотносится с представлением о распространенности «народных предрассудков». Примечательно, что в опубликованной немногим ранее поэме «Роксолания» поэт С. Кленович использовал образ провинциальных знахарок («зельями и снадобьями Русь управляется, ведьмами земля русская полнится» (Roxolania, 1584, p. 33), высказавшись тем самым в рамках сложившегося значительно ранее представления польских авторов о сельской местности Литвы и Руси как о регионах обыденного использования магии [Kowalczyk, 2023, s. 135, 141–144]. Занимая позицию крайнего неприятия распространенных (по мнению автора) магических практик, Я. Янушовский при этом представляет колдунов как крайнюю форму отхождения от социальной нормы: «naydziesz że takich mało, soby wiedzieli co snota, co powinność krześcijańska, co Bóg, kościół, kapłan <...> Więc też nie dziw, że Pan Bóg dłużej cierpieć niechce: nie dziw że karać chce: nie dziw że groźi» («мало таких найдешь, кто знал бы, что такое благодетель, христианский долг, Бог, Церковь, священник <...> Не удивляйся, что Господь Бог больше не хочет терпеть; не удивляйся, что хочет карать; не удивляйся, что предупреждает») (Wrozki, 1589, f. 25). При том, что «язычники» по мнению автора, противны Богу, они же представляют собой Его назидательное знамение (подобное солнечному затмению или появившейся на небе звезде), свидетельствующее о приближении Судного дня: «у cuda na niebie bywają <...> dla tego, aby ludzie baczyli iż to są już ostateczne czasy: a potem aby znać dal iesli sye ludzie nie poprawią, tedy ie karać będzie» («и чудеса на небе бывают <...> для того, чтобы люди видели, что пришли уже последние времена; (Бог) дал знать, что, если люди не изменятся, то он их будет карать») (Wrozki, 1589, f. 27–28). Таким образом, в построениях Я. Янушовского «язычники» представляются в качестве свидетельства упадка морали в Польском королевстве. При этом под определение «язычников» подпадают не только практикующие гадание; используемые этические критерии позволяют отнести к данной группе всех некаатоликов. Тем самым нарратив «Гаданий» Я. Янушовского, если прибегать к терминологии Э. Дюркгейма, значительно раздвигает рамки нечистого (le sacré) в представлении о профанном (le profane).

Схожий нравственно-политический тезис находим у П. Скарги, обвинявшем в своих проповедях обобщенную группу «еретиков» в упадке Речи Посполитой. При этом для него характерен мотив «греха, оставшегося без наказания»: «Grzechy ktore się duchownym prawem hamowały teraz y forum nie mają. Grzechy się też roskwitnęły one, ktore się sądem duchownym karały: cudzołostwa, kaźirodztwa, lichwy, czary y inne, ktore wedle praw starych y świętych duchowny sąd karał, ktore teraz żadnego forum nie mają i przez wodze y karania zostaiąc szerzą się, a pomsty samego Boga rychłey y srogiey czekaia. O iakie łzy nad taką niesprawiedliwością wylewać każdy pobożny może!» («Грехи, которые церковным правом сдерживались, теперь и суду не подлежат. Грехи расцвели те, что раньше церковным судом карались: прелюбодеяние, кровосмешение, ростовничество, чародейство и иные, которые согласно старым священным правам карал церковный суд; которые сейчас никак не осуждаются и, оставаясь без поводов и наказания, ширятся, ждут скорой и суровой мести самого Бога. О, что за слезы пролить может каждый благочестивый человек из-за такой несправедливости!») (Kazania na niedziele, 1595, f. 702–703). П. Скарга сетует на увеличение числа тяжких духовных преступлений, оставшихся без справедливого наказания со стороны закона. Перечисляемые грехи, включающие и ведовство, по мнению проповедника, существуют по политическому допущению и в ожидании Божьего гнева. Эсхатологическую угрозу транслирует и Я. Янушовский, замечающий безнаказанность ненавистных ему практик (Wrozki, 1589, f. 25).

Пессимизм и акцент на чертах упадка в современных автору реалиях в целом характерны для полемической литературы [Басов, 2019, с. 69–70]. Критика общества, доходящая до нравственно-политической эсхатологии, прослеживается в трудах многих авторов, писавших до Я. Янушовского и П. Скарги: патетику такого рода можно найти у А. Ф. Моджевского, С. Ожеховского, М. Рея. Особенно характерно это для жанра на стыке проповеди и памфлета, в котором писали М. Кромер, И. Поводовский, М. Чехович и многие другие полемисты, высказывавшиеся со страниц печатных изданий о профессиональных проблемах в политиче-

ской плоскости. Однако тексты Я. Янушовского и П. Скарги отличает внимание к вопросу ведовства, его включение в пессимистическую картину политического пророчества.

Здесь также уместно подчеркнуть, что обращение двух указанных авторов к образам ведовства существовало в контексте конфессиональной полемики, в которой целью нападок являлись не практикующие знахарки, а прямые конфессиональные противники авторов – протестанты. В этом смысле язык Я. Янушовского и П. Скарги зеркален языку полемических сочинений М. Кровицкого и Ш. Будного 1560-х гг., в которых католики риторически уравнивались с чернокнижниками. При этом перечисленные воззвания, посвященные конфессиональным вопросам, отчетливо адресованы единоверческой шляхте. В особенности в тексте П. Скарги за апологетикой различим посыл политической мобилизации. Так, в обращении к послам сейма проповедник использует демонологическую образность, соединяя ее с актуальным для дворянского сословия вопросом «вольности», чтобы фреймировать шляхетские артикулы (и в первую очередь акт Варшавской конфедерации 1573 г.) как договор с Дьяволом: «Święta wolność iest, grzechom y czartu nie służyć <...> O niewolniku dyabelski czuy o niewoley swoiey a wychodź z mocy szatańskiej w ktorey szlachecka wolność pomocyć żadney nie da» («Святая вольность в том, чтобы грехам и черту не служить <...> О дьявольский невольник, услышь о своей неволе, выйди из-под власти сатанинской, в которой никакая шляхетская вольность тебе никак помочь не может») (Kazania na niedziele, 1595, f. 692). Здесь уместно обратить внимание на то, что оба автора были яркими представителями «контрреформационной партии», а П. Скарга к тому же принадлежал к ордену иезуитов, последовательно боровшемуся с политикой конфессиональной «композиции» (лат. *compositio*), проводившейся светской властью Речи Посполитой [Załęski, 1900, s. 534]. Не случайно, что иезуиты и связанные с ними лица оказывались источником наиболее жесткого неприятия Реформации, доходившего до организации погромов протестантских приходов [Wilson, 2005, p. 63–68]. Так же остро для Общества Иисуса стоял вопрос печатной пропаганды, что мотивировало иезуитов и на активную организацию собственной печати, и на подрыв организации печати конфессионального противника: так, погром типографии А. Родецкого группой краковских студентов был вдохновлен воззваниями кардинала-иезуита С. Гозия [Kawecka-Gryczowa, 1974, s. 29].

Итак, мы продемонстрировали, что редкие антиведовские пассажи, присутствовавшие в польской печати XVI в., не были направлены на некую группу практикующих магию людей, а использовались в рамках политической и конфессиональной полемики. Тем не менее, полемическая активность совпадала с кратным увеличением в 1580–1590-е гг. числа судебных процессов по обвинению в ведовстве [Wyporska, 2013, p. 31]. Также на фоне этого польские издания текстов, связанных с натурфилософией, астрономией, герметизмом и алхимией, с последней трети XVI в. начали выходить с важными предваряющими текст различениями на знание «истинное» и «ложное». Так, комментарии А. Россели к Поймандру были опубликованы в Кракове в 1584 г. с предисловием автора, который мотивировал свой труд стремлением «опровергнуть заблуждения как философов, так и еретиков» (Pumander, 1584, f. iii). Сочинение пользовалось популярностью, судя по его переизданию Я. Янушовским в 1585, 1586, 1589 и 1590 гг. Магии посвящены два трактата С. Поклятецкого, опубликованные Я. Зибенайхером в 1594 и 1595 гг. Первый посвящен онейромантии; примечательно то, что в трактате автор стремился провести различие между «снами, посылаемыми Богом» и «снами, посылаемыми Дьяволом» (Snow Dobrych obronę, 1594, f. E iii–iv). Вторая книга С. Поклятецкого посвящена чернокнижию и также стремится отделить нечестивые практики от богоугодных, к последним в том числе относя «врожденное чернокнижие» («czarnoksięstwo przyrodzone»), употребляемое к проведению научных экспериментов и написанию трактатов: «Przyrodzone Czarnoksięstwo, iż iest Medickiey, Matematyckiey, y przyrodzoney madrey nauki, czastką zacną a ślachtetną: dla tego iest, dobre, pocziwe, sławne, cwiczenia y wiadomości ludzkiey godne y potrzebne» («Врожденное чернокнижие является почетной и благородной частью медицинского, математического и врожденного мудрого знания; оно благо, чест-

но, славно, достойно и необходимо человеческим упражнениям и письму») (Pogrom, 1595, f. B ii). Магическая способность для автора не является грехом как таковая; греховой она становится при условии ее неблагочестивого применения: «Czarnoksiężstwo samo przyrodzone, złym bydź niemoże, dla złego używania, y wielu przysad bezecnych, zwłaszcza to, które z Czartem żadnego społku y porozumienia niema ani trzyma» («Врожденное чернокнижие, не употребляемое во зло и ко многим постыдным практикам, в особенности не имеющее никакой связи с Чертом, само по себе злом быть не может») (Pogrom, 1595, f. B ii). При этом любое чернокнижие, практикуемое вне лона Церкви, определяется как «действующее с дьявольской помощью» (Pogrom, 1595, f. G iii v). О самом авторе практически ничего неизвестно, однако о том, что он не принадлежал к алхимикам, можно судить на основании текста трактата, отрицающего возможность тетрасоматы. По подписи на экземпляре одной из принадлежавших ему книг, обнаруженных в библиотеке ловичского капитула, можно сделать вывод, что С. Поклятецкий был шляхтичем герба Помян, иезуитом, доктором теологии и права [Skiełczyński, 1990, s. 254]. По припискам «z pozwoleniem Starszych wydał» («издал с позволения старших») и «za pozwoleniem zwierzchności spisany» («составлено с высшего позволения») к заголовкам первой и второй книг соответственно можно судить, что сочинения были написаны и опубликованы по согласованию с руководством ордена иезуитов, и вписывались в политику Общества Иисуса, осуществляемую в тот момент в королевстве.

Вышеуказанный тезис о «засилье ведьм», разделяемый Ш. Будным, Я. Янушовским, С. Поклятецким и П. Скаргой, продолжил свое существование в печати XVII в. Так, о засилье ведьм в Польше пишут Ш. Старовольский в «Исправлении польских нравов» (Краков, 1625) и Я. К. Хаур в «Хранилище замечательных секретов» (Краков, 1693) [Kowalczyk, 2023, s. 229]. Познанский книгопечатник В. Регулюс, наиболее вероятно стоявший за публикацией анонимного антиведовского сочинения, в предисловии объясняет его актуальность «ведовским пожаром» в Польше: «Czasu woyny, o woynie: czasu powietrza, o śmierci: czasu głodu, o chlebie: czasu pożarów, o ogniach ludzie radzi rozmawiaią, A isz temi czasy nasza Wielkopolska nie zwyczajnie zagęściła się na kształt pożarów Czarownicami, lubo prawdziwemi, lubo mniemanemi» («Люди говорят о войне во время войны, о смерти во время эпидемий, о хлебе во время голода и об огне во время пожаров. А в нынешние времена наша Великая Польша, подобно пожарам, необычайно озабочена колдуньями – либо настоящими, либо мнимыми») (Czarownica Powołana, 1639, f. A i). После этого сочинения В. Регулюс также публикует знаменитый трактат Ф. Шпее «Cautio Criminalis» (Познань, 1647). С. Замбкович, переведший «Malleus Maleficarum», в предисловии к изданию трактата также говорит о «распространении ведьм», причем использует схожие с оборотами Я. Янушовского и П. Скарги формулировки об «отсутствии кары», «Божьем гнев» и вреде ведовства не для одной только души ведьмы, но для всей Польши: «Szerząc się abowiem to omylne mniemanie w sercach ludzkich, sprawuie że urząd (ktoremu wszelkie zbrodnie karać należy) do karania czarowniczey bezbożności oziębłym się stawa, a ona dla niekarności, w zwyczaj złych ludzi wchodząc, co dzień więsze a więsze pomnożenie bierze, Zatem dwie szkodzie nieoszacowane na świat przypadaią. Piersza gniew Boga <...> Друга przypadki, które za sprawa szatańska <...> przypadaią» («Ошибочное мнение распространяется в сердцах людей, и я призываю власть (которой должны наказываться все преступления) наказывать колдовскую безбожность, которая из-за безнаказанности в обычай плохих людей входит и ежедневно больше и больше множится, чем два неопределимых ущерба миру наносятся. Первый – гнев Божий <...> Второй – происшествия, исходящие из сношений с Сатаной») (Młot na czarownice, 1614, f. 2r – 2v). При этом дискурс печатной полемики XVI в. здесь, а также в прочих польских антиведовских трактатах XVII в., существует уже не как риторический прием в контексте поляризованной конфессиональной дискуссии, а как буквальное высказывание в контексте борьбы с ведовством.

Таким образом, соглашаясь с тезисом Я. Тазбира, разводящего проблемы антиведовской полемики и фактического преследования ведьм [Tazbir, 1978, s. 151, 157–158], заметим, что печатная полемическая литература XVI в. участвовала в транслировании антиведовского

дискурса, который впоследствии, в XVII в., использовался в публикациях такого рода трактатов, которые работали уже практическим основанием для преследования подозреваемых в ведовстве. Данное заключение одновременно согласуется и с теми исследованиями, которые подчеркивают роль печати в ведовской моральной панике в Раннее Новое время [Zika, 2007; Walinski-Kehl, 2002], и с наработками историографии, находящими главным фактором преследования ведьм в Европе процессы Реформации и Контрреформации [Leeson, Russ, 2017].

Список литературы

- Басов И. М.** Репрезентация образа Речи Посполитой в «Библиотеке Польской» К. Ю. Туровского на примере памфлетов XVI–XVII вв. // История. Историки. Источники. 2019. № 2. С. 68–74.
- Adamczyk J.** Czary i magia w praktyce sądów kościelnych na ziemiach polskich w późnym średniowieczu (XV – połowa XVI wieku) // Karolińscy pokutnicy i polskie średniowieczne czarownice. Konfrontacja doktryny chrześcijańskiej z życiem społeczeństwa średniowiecznego. Warszawa, 2007. S. 91–264.
- Bugaj R.** Nauki tajemne w dawnej Polsce. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 332 s.
- Eisenstein E. L.** The Printing Revolution in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2005. 384 p.
- Febvre L., Martin H.-J.** The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800 / Trans. by D. Gerard. London: NLB, 1976. 378 p.
- Juda M.** Przywileje drukarskie w Polsce. Lublin: Agencja Wydawniczo-Handlowa AD, 1992. 164 s.
- Kawecka-Gryczowa A.** Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. 368 s.
- Kiliańczyk-Zięba J.** In Search of Lost Fortuna. Reconstructing the Publishing History of the Polish Book of Fortune-Telling // Lost Books: Reconstructing the Print World of Pre-Industrial Europe. Leiden, 2019. P. 120–143.
- Kotarski E.** Wróżki Jana Kochanowskiego // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1980. T. 25. S. 79–98.
- Kowalczyk S.** Wizerunek wiedzy w piśmiennictwie staropolskim XVI i XVII wieku. Kraków: Universitas, 2023. 275 s.
- Krocak J.** «Jeśli mię wieźdźba prawdziwa uwodzi...». Prognozy i znaki cudowne w polskiej literaturze barokowej. Wrocław: Atut, 2006. 260 s.
- Leeson P. T., Russ J. W.** Witch Trials // The Economic Journal. 2017. No. 128. P. 2066–2105. Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum / Red. J. Ptaśnik. Leopold: Sumptibus Instituti Ossoliniani, 1922. Vol. 1. 456 p.
- Osiński Z.** Zabobon, przesąd, diabły, czarownice i wilkołaki w pamiętnikach polskich z XVI i XVII wieku // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia. 2003. No. 58. S. 59–72.
- Ostling M.** Imagining Witchcraft in Early Modern Poland. Dr. of Philos. Sci. Diss. Toronto: Uni. Press, 2008. 676 p.
- Skieleczyński Z.** Superekslibrisy z Biblioteki Kapitulnej w Łowiczu // Studia Theologica Varsoviensia. 1990. No. 28/1. S. 243–259.
- Tafiłowski P.** Druki dotyczące spraw tajemnych w Polsce XVI–XVII wieku // Z Badań Nad Polskimi Księgozbiorem Historycznymi. 2003. T. 21. S. 23–52.
- Tazbir J.** Procesy o czary // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Wrocław, 1978. T. 23. S. 151–177.
- Tazbir J.** Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII wieku. Warszawa: Iskry, 2009. 231 s.

- Walinski-Kiehl R.** Pamphlets, Propaganda and Witch-Hunting in Germany c. 1560 – c. 1630 // Reformation. 2002. № 6 (1). P. 49–74.
- Wilson K. A.** The Politics of Toleration: Dissenters in Great Poland (1587–1648). PhD Thesis. London: School of Slavonic and East European Studies, University College, 2005. 330 p.
- Wyporska W.** Witchcraft in Early Modern Poland, 1500–1800. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.
- Załęski S.** Jezuici w Polsce. Lwów: Drukarnia Ludowa, 1900. T. 1: Walka z różnowierstwem 1555–1608. 819 s.
- Zika C.** The Appearance of Witchcraft. Print and Visual Culture in Sixteenth-Seventeenth Century Europe. London, New York: Routledge, 2007. 296 p.

References

- Adamczyk J.** Czary i magia w praktyce sądów kościelnych na ziemiach polskich w późnym średniowieczu (XV – połowa XVI wieku) [Witchcraft and magic in the practice of ecclesiastical courts in the Polish lands in the late Middle Ages (15th – mid-16th century)]. In: Koczerska M. (ed.). Karolińscy pokutnicy i polskie średniowieczne czarownice. Konfrontacja doktryny chrześcijańskiej z życiem społeczeństwa średniowiecznego [Carolingian penitents and Polish medieval witches. Confrontation of Christian doctrine with the life of medieval society]. Warsaw, 2007, pp. 91–264. (in Pol.)
- Basov I. M.** Reprezentatsiya obraza Rechi Pospolitoi v “Biblioteke Pol’skoi” K. Yu. Turovskogo na primere pamfletov XVI–XVII vv. [The Representation of the Image of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the K. J. Turowski’s “Biblioteka Polska” on Example of the Pamphlets of 16th – 17th Centuries]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki [History. Historians. Sources]*, 2019, no. 2, pp. 68–74. (in Russ.)
- Bugaj R.** Nauki tajemne w dawnej Polsce [Secret Sciences in ancient Poland]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, 332 p. (in Pol.)
- Eisenstein E. L.** The Printing Revolution in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2005, 384 p.
- Febvre L., Martin H.-J.** The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800. London, NLB, 1976, 378 p.
- Juda M.** Przywileje drukarskie w Polsce [Printing privileges in Poland]. Lublin, Agencja Wydawniczo-Handlowa AD, 1992, 164 p. (in Pol.)
- Kawecka-Gryczowa A.** Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia [Arian publishing houses of Rodecki and Sternacki: history and bibliography]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974, 368 p. (in Pol.)
- Kiliańczyk-Zięba J.** In Search of Lost Fortuna. Reconstructing the Publishing History of the Polish Book of Fortune-Telling. In: Bruni F., Pettegree A. (eds.). *Lost Books: Reconstructing the Print World of Pre-Industrial Europe*. Leiden, Brill, 2019, pp. 120–143.
- Kotarski E.** Wróżki Jana Kochanowskiego [The Fairies of Jan Kochanowski]. In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce [Renaissance and Reformation in Poland]*. Wrocław, 1980, vol. 25, pp. 79–98. (in Pol.)
- Kowalczyk S.** Wizerunek wiedźmy w piśmiennictwie staropolskim XVI i XVII wieku [The image of a witch in old Polish literature of the 16th and 17th centuries]. Krakow, Universitas, 2023, 275 p. (in Pol.)
- Kroczak J.** “Jeśli mię wieźdźba prawdziwa uwodzi...” Prognostyki i znaki cudowne w polskiej literaturze barokowej [“If a real witch seduces me...” Prognostics and miraculous signs in Polish baroque literature]. Wrocław, Atut, 2006, 260 p. (in Pol.)
- Leeson P. T., Russ J. W.** Witch Trials. *The Economic Journal*, 2017, no. 128, pp. 2066–2105.
- Osiński Z.** Zabobon, przesąd, diabły, czarownice i wilkołaki w pamiętnikach polskich z XVI i XVII wieku [Superstition, superstition, Devils, witches and werewolves in Polish diaries from

- the 16th and 17th centuries]. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia* [*Annales University named after Marie Curie-Skłodowska. Section F, History*], 2003, no. 58, pp. 59–72. (in Pol.)
- Ostling M.** *Imagining Witchcraft in Early Modern Poland*. Dr. of Philos. Sci. Diss. Toronto, Uni. Press, 2008, 676 p.
- Ptaśnik J. (ed.). *Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum*. Leopoll, Sumptibus Institutii Ossoliniani, 1922, vol. 1, 456 p.
- Skieleczyński Z.** *Superekslibrisy z Biblioteki Kapitulnej w Łowiczu* [Superexhibitions from the Capitular Library in Lowicz]. *Studia Theologica Varsaviensia*, 1990, no. 28/1, pp. 243–259. (in Pol.)
- Tafiłowski P.** *Druki dotyczące spraw tajemnych w Polsce XVI–XVII wieku* [Prints relating to secret matters in Poland of the 16th – 17th centuries]. *Z Badań nad Polskimi Księgozbiorem Historycznymi* [*The Research on Polish Historical Books*], 2003, vol. 21, pp. 23–52. (in Pol.)
- Tazbir J.** *Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII wieku* [State without stacks. Sketches from the history of tolerance in Poland in the 16th and 17th centuries]. Warsaw, Iskry, 2009, 231 p. (in Pol.)
- Tazbir J.** *Procesy o czary* [Trials for witchcraft]. In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* [Renaissance and Reformation in Poland]. Wrocław, 1978, vol. 23, pp. 151–177. (in Pol.)
- Walinski-Kiehl R.** *Pamphlets, Propaganda and Witch-Hunting in Germany c. 1560 – c. 1630*. *Reformation*, 2002, no. 6 (1), pp. 49–74.
- Wilson K. A.** *The Politics of Toleration: Dissenters in Great Poland (1587–1648)*. PhD Thesis. London, School of Slavonic and East European Studies, University College, 2005, 330 p.
- Wyporska W.** *Witchcraft in Early Modern Poland, 1500–1800*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013, 245 p.
- Załęski S.** *Jezuici w Polsce* [Jesuits in Poland]. Lviv, Drukarnia Ludowa, 1900, vol. 1: *Walka z różnowierstwem 1555–1608* [The struggle against diversity 1555–1608], 819 p. (in Pol.)
- Zika C.** *The Appearance of Witchcraft. Print and Visual Culture in Sixteenth-Seventeenth Century Europe*. London, New York, Routledge, 2007, 296 p.

Список источников / List of Sources

- Apologia tho iesth Obronienie wiary świętey Krzescianskiey Kosciola pospolitego przeciw naukam Karcerskim z pisma świętego zebrane przez Stanisława ze Lwowa. Kraków: u dziedz. Marka Szarffenbergera, 1554 // PAN Biblioteka Kórnicka. Sygn. Cim. O. 166.
- Czarownica powołana, abo krótka nauka y przestroga z strony czarownic zebrana z rozmaitych doktorów tak w prawie bożym iako y w świeckim biegłych dla ochrony y porátowania sumnienia. Poznań: Wojciech Regulus, 1639 // Biblioteka Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Syg. 2753. I.
- Kazania na niedziele i święta całego Roku x. Piotra Skargi. Kraków: Drukarnia Piotrkowczyka, 1595 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVI. F. 4642.
- Kronika tho iest historia swiata na sześć wiekow, a cztery monarchie, rozdzielona z rozmaitych historykow, tak w świętym piśmie krześciańskim zydowskim, iako y pogańskim, wybierana y na polski język wypisana dosthatieczney niż pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych. [Kraków]: [Mateusz Sybieneicher], 1564 // PAN Biblioteka Kórnicka. Sygn. Cim. F. 4063.
- Młot Na Czarownice: Postępek Zwierzchowny w czarach, także sposob uchronienia sie ich y lekarstwo na nie w dwóch częściach zamykaiący. Kraków: w Drukarni Symona Kempiniego, 1614 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVII-1241.
- Obrona nauki prawdziwej i wiary starodawnej chrześcijańskiej. W Pińczowie: w drukarni Daniełowej, 1560 // Biblioteka Narodowa. Sygn. mf. B397.

- Pogrom Czarnoksiężskie błędy, Latawców zdrady y Alchimickie fałsze, iako rozprasza, za pozwoleniem zwierzchności spisany, od Stanisława z Gór Poklateckiego. Kraków: z Drukarnie Jakuba Siebeneychera, 1595 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Sygn. XVI. Qu. 2268.
- Pymander Mercvrii Trismegisti: Cum Commento Fratris Hannibalis Rosseli Calabri, Ordinis Minorvm Regvlaris obseruantiae, Theologiae & Philosophiae, ad S. Bernardinum Cracoviae Professoris. Cracoviae: In Officina Typographica Lazari, 1584 // München, Bayerische Staatsbibliothek. 2 A. gr. b. 613-3/4.
- Roxolania Sebastiani Sulmyrcensis Acerni. Cracoviae: typis Andreae Petricouij, 1584 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Syg. XVI. Qu. 1695.
- Rozmowy dworzanina z mnichem (1551–1554) Marcina Kromera / Wyd. J. Łoś. Kraków, Akademia Umiejętności, 1915, 449 p.
- Snow Dobrych obronę a szkodliwych przestrożę z potrzebnymi naukami rodzajowi ludzkiemu z pozwoleniem Starszych wydał Stanisław z Gor Poklatecki. Kraków: z Drukarnie Jakuba Siebeneychera, 1594 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Sygn. XVI. Qu. 2135.
- Wrozki Jana Podworzeckiego. Kraków: Drukarnia Łazarzowa, 1589 // Biblioteka Jagiełłońska. Syg. DIGSTDR000216.

Информация об авторе

Иван Михайлович Басов

WoS Researcher ID JWA-1915-2024

Information about the Author

Ivan M. Basov

WoS Researcher ID JWA-1915-2024

*Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 18.10.2024
The article was submitted on 14.08.2024;
approved after reviewing on 23.09.2024; accepted for publication on 18.10.2024*